

И.П. Глазырина, Л.М. Фалейчик, А.А. Фалейчик

ТРАНСГРАНИЧНАЯ КООПЕРАЦИЯ НА ВОСТОКЕ РОССИИ: ПРЯМЫЕ ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ

Статья посвящена изучению динамики и структуры прямых иностранных инвестиций (ПИИ), поступающих в регионы Востока России, с учетом «ковидных» экономических шоков 2020–2021 гг. Мы поставили задачу понять, каковы были динамика ПИИ начиная с 2014–2015 гг., их пространственное и отраслевое распределение, изменилось ли что-то в «ковидный» период, а также с каким «багажом» ПИИ восточные территории подошли к началу 2022 г. Накопленные ПИИ в форме участия в капитале за рассматриваемый период росли по стране в целом и, с более высоким темпом, на Дальнем Востоке. В Сибири их доля сократилась, в основном за счет вывода капитала из сырьевых проектов.

Отраслевая структура ПИИ после 2014 г. в России изменилась: доли ПИИ более чем в 1,5 раза выросли в сырьевых секторах и почти втрое сократились в обрабатывающей промышленности. Сокращение ПИИ в обрабатывающих секторах на Востоке России в период пандемии и сразу после нее было существенно меньше, а к 2022 г. их объем вырос на 70% по сравнению с 2015 г.

Шок пандемии в отношении ПИИ не стал критическим в целом в России, а восточные регионы испытали его в значительно меньшей степени. К 2022 г. объемы ПИИ восстановились практически во всех отраслях по сравнению с 2015 г., а в некоторых – существенно превысили этот уровень.

Сравнение динамики товарооборота со странами АТР позволило сделать вывод, что высокий спрос на товары и ресурсы, порождающий экспортно-импортные потоки между Россией и этими странами, слабо «конвертируется» в производительное сотрудничество в форме ПИИ. Это обстоятельство целесообразно учитывать при разработке политики международного экономического сотрудничества после санкций 2022 г.

Ключевые слова: Дальний Восток и Байкальский регион; трансграничная кооперация; прямые иностранные инвестиции (ПИИ); пространственно-отраслевая структура ПИИ

Для цитирования: *Глазырина И.П., Фалейчик Л.М., Фалейчик А.А.* Трансграничная кооперация на Востоке России: прямые иностранные инвестиции // *Регион: экономика и социология.* – 2023. – № 2 (118). – С. 243–263. DOI: 10.15372/REG20230210.

ВВЕДЕНИЕ

Геополитические события 2022 г. принципиально изменили место России в мировой экономической системе. Сравнительные преимущества, связанные с природно-ресурсным богатством, наиболее существенной частью которого в нашей стране являются запасы полезных ископаемых, постепенно теряют свою значимость в качестве одного из основных драйверов экономического роста. Поскольку большая часть этого природного капитала сосредоточена в азиатской части страны, это не может не оказать влияния на ее развитие, как минимум в среднесрочном плане.

Начиная с 2013 г. были приняты и частично реализованы стратегические решения, направленные на ускорение развития Дальнего Востока России, и создан целый комплекс институтов развития. Дискуссия о том, какова роль институциональной трансформации после 2013 г. в развитии Востока России, активно велась в научном сообществе и выявила весьма неоднозначные оценки ее результативности [1; 3; 6; 11]. Поскольку одним из приоритетов всех дальневосточных стратегий было привлечение прямых иностранных инвестиций (ПИИ), этот вопрос рассматривался и в контексте трансграничных экономических связей¹. В настоящей работе мы продолжаем изучение данного вопроса с учетом «ковидных» экономических шоков

¹ См.: *Глазырина И.П., Фалейчик Л.М., Фалейчик А.А.* Инвестиции и трансграничная кооперация на Востоке России // *Регион: экономика и социология.* – 2020. – № 4 (108). – С. 202–234. DOI: 10.15372/REG20200409. См. также [4].

2020–2021 гг. Мы поставили задачу понять, каковы были динамика ПИИ начиная с 2014–2015 гг., их пространственное и отраслевое распределение, изменилось ли что-то в «ковидный» период, а также с каким «багажом» ПИИ восточные территории подошли к началу 2022 г.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Прежде всего следует отметить, что после 2017 г. в Дальневосточном федеральном округе, уже после начала функционирования «институтов развития», произошло снижение поступлений ПИИ по сравнению с 2014 г. Это обусловлено сокращением ПИИ в нефтегазовый сектор Сахалина, куда, как правило, поступало более половины всех ПИИ. В то же время до 2020 г. в Сибирском федеральном округе и в целом в России мы наблюдаем их значительный рост. По-видимому, сокращение мировой экономики в связи с пандемией сказалось на трансграничных инвестиционных потоках уже в 2021 г. (табл. 1).

Накопленные ПИИ в форме участия в капитале в рассматриваемый период росли по стране в целом и, с более высоким темпом, на Дальнем Востоке. Однако в Сибири их доля сократилась, преимущественно за счет вывода капитала из сырьевых (в том числе нефтегазовых) проектов. При этом объемы долговых инструментов в СФО неуклонно росли до 2020 г., так как крупнейшие сырьевые компании выпускали торгуемые на международных фондовых рынках облигации в больших масштабах (рис. 1). Снижение их стоимости в период пандемии привело к падению их доли в ПИИ.

Объемы ПИИ в форме долговых инструментов на Дальнем Востоке практически не менялись: штаб-квартир предприятий, относящихся к «голубым фишкам», здесь значительно меньше. В стране в целом эти объемы также не росли. Вероятно, это, в частности, стало следствием санкций после 2014 г., ограничивающих возможности для иностранных вложений в российские высокотехнологичные производства.

Отраслевая структура ПИИ после 2014 г. в России заметно изменилась (рис. 2). Более чем в 1,5 раза выросли доли иностранных

Таблица 1

**Прямые инвестиции в экономику Российской Федерации: операции
по субъектам РФ, в которых зарегистрированы резиденты, – «Поступило»,
млн долл. США**

Субъект РФ	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
РФ	146 370	133 949	137 763	150 433	140 079	185 547	206 907	188 234
СФО	4 147	4 179	7 342	8 106	8 298	8 633	14 674	6 813
Республика Бурятия	7	30	75	86	9	–	–	–
Забайкальский край	111	203	207	154	112	–	–	–
Иркутская обл.	472	44	35	1 221	328	581	336	249
ДФО	8 248	10 576	11 595	10 177	5 435	6 770	5 236	7 379
Республика Бурятия	–	–	–	–	26	199	7	3
Республика Саха (Якутия)	228	964	1 347	335	351	1 168	1 114	652
Забайкальский край	–	–	–	–	129	112	113	268
Камчатский край	47	7	2	24	1	55	88	245
Приморский край	717	699	872	831	488	415	404	1 507
Хабаровский край	108	65	544	283	200	576	158	263
Амурская обл.	1 005	633	360	471	288	317	249	1 122
Магаданская обл.	0	758	7	8	5	10	4	3
Сахалинская обл.	5 825	7 197	8 295	7 874	3 535	3 835	3 059	3 264
Еврейская авт. обл.	63	50	19	220	162	35	0	1
Чукотский АО	256	204	149	131	250	47	38	50
Не распределено по субъектам РФ	3 140	901	757	857	496	626	650	455

Источник: составлено авторами на основе статистики внешнего сектора Банка России (https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/).

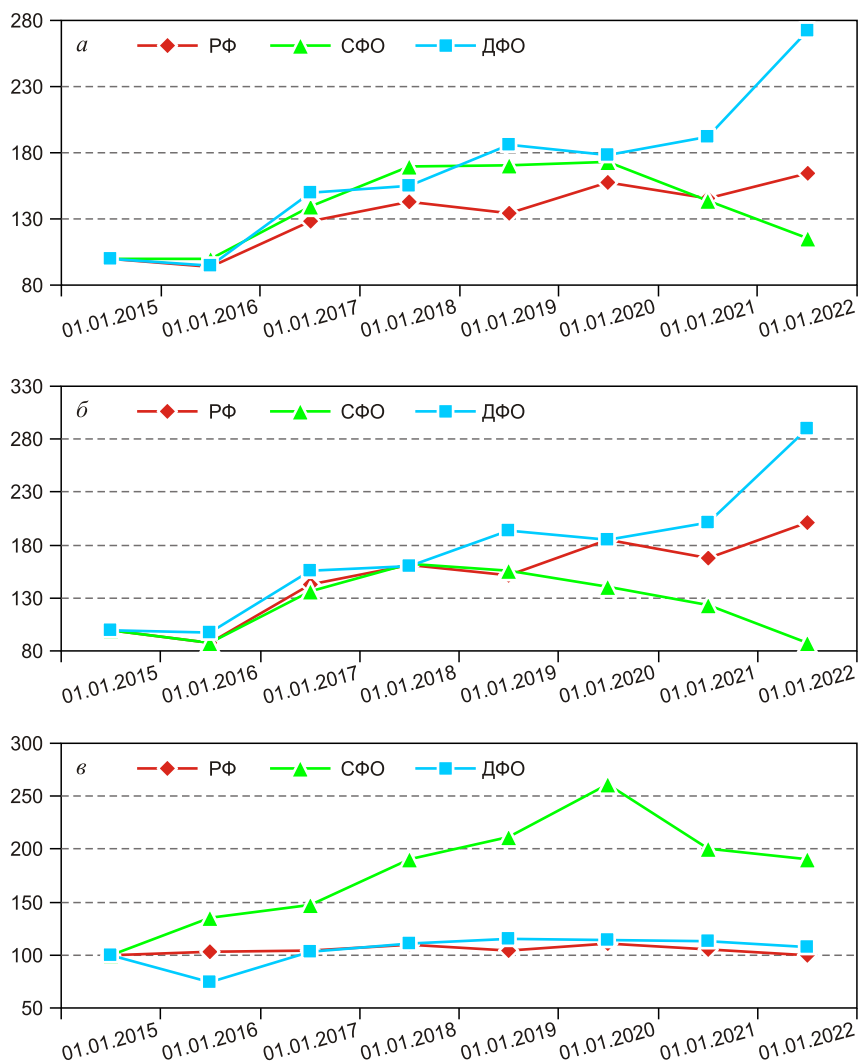

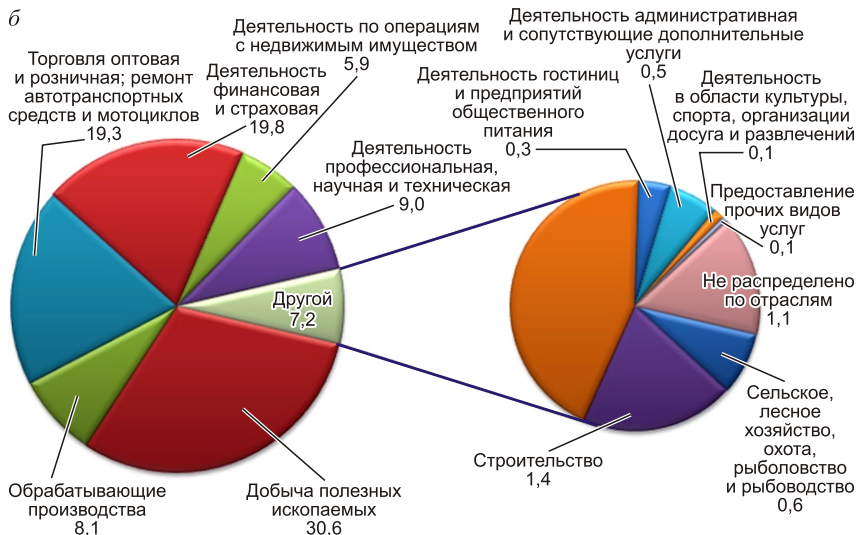
Рис. 1. Прямые иностранные инвестиции в экономику Российской Федерации, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов: остатки по инструментам (по состоянию на дату), % к показателям на 01.01.2015

а – всего; б – участие в капитале; в – долговые инструменты

а

б

инвестиций в сырьевых секторах, и почти втрое они сократились в обрабатывающей промышленности. Значительно увеличилась доля

Рис. 2. Распределение прямых иностранных инвестиций в экономику Российской Федерации по видам экономической деятельности: остатки по состоянию на 01.01.2015 (а) и 01.01.2022 (б), %

Примечание: круговые диаграммы справа представляют все составляющие сектора «Другой» на левых диаграммах

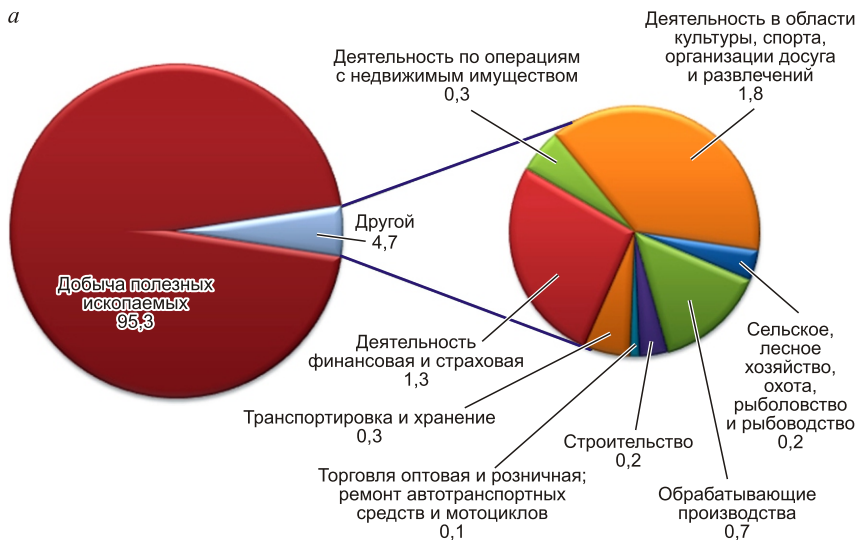
Источник: составлено авторами на основе статистики внешнего сектора Банка России

ПИИ в профессиональной, научной и технической деятельности, а также в транспортировке и хранении. Однако в субъектах РФ Дальнего Востока и Байкальского региона в течение всего этого периода доминировали ПИИ в добычу полезных ископаемых (рис. 3), и основная их доля поступала в нефтегазовый сектор Сахалина.

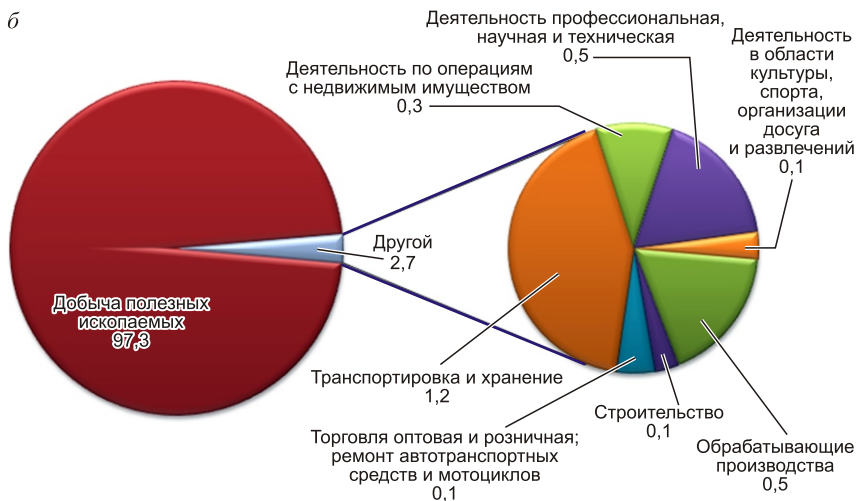
Доля ПИИ на востоке страны (точнее, на Дальнем Востоке и в Байкальском регионе) в обрабатывающих отраслях в общей сумме иностранных инвестиций в экономику РФ в период с 2015 по 2020 г. не превышала 1% и практически не росла. Но вследствие пандемии к началу 2020 г. объем этих инвестиций в России сократился почти в 10 раз по сравнению с 2015 г., а к 2022 г. составлял всего 54,3% от уровня 2015 г. Однако сокращение ПИИ в обрабатывающих секторах на Востоке России в период пандемии и сразу после нее было существенно меньше, а к 2022 г. их объем вырос на 70% по сравнению с уровнем 2015 г. Это можно объяснить тем, что в восточных регионах нет крупных центров машиностроения, созданных с участием иностранных инвесторов, как в европейской части России, а относительно небольшие бизнесы с участием иностранного капитала оказались более гибкими в организации производственных процессов и потому более устойчивыми.

Анализ данных Банка России позволяет утверждать, что несмотря на санкции и замедление экономического роста после 2014 г., потоки ПИИ до 2020 г. в России продолжали расти в большинстве отраслей. Исключением являются обрабатывающая промышленность и строительство. В «ковидный» период (2020–2021 гг.) в этих двух отраслях произошло значительное сокращение ПИИ, и объемы иностранного инвестирования до уровня 2015 г. не восстановились. В остальных отраслях в период пандемии поступления ПИИ несколько сократи-

а

б

лись, но к началу 2022 г. накопленные ПИИ достигли прежних объемов. Если в 2015 г. основным направлением иностранных инвестиций в разрезе отраслей была обрабатывающая промышленность

Рис. 3. Распределение прямых иностранных инвестиций по видам экономической деятельности по субъектам российского Дальнего Востока и Байкальского региона: остатки по состоянию на 01.01.2015 (а) и 01.01.2022 (б), %

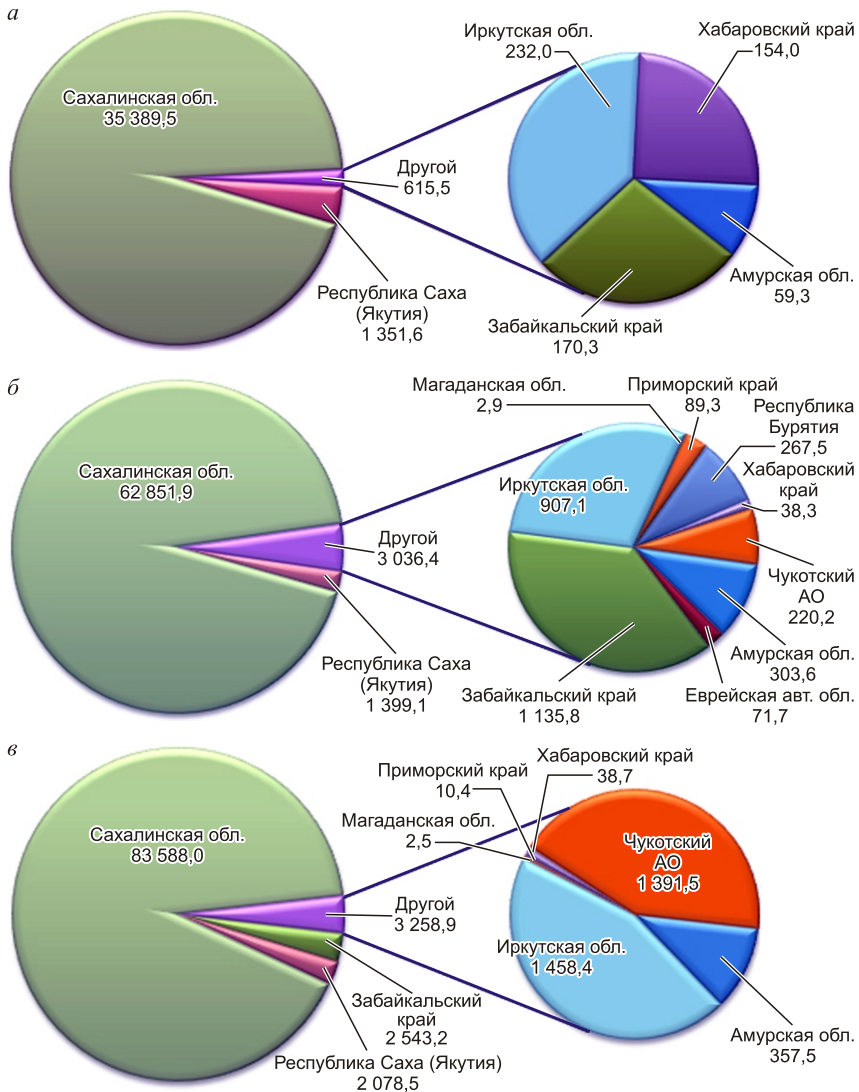
Примечание: круговые диаграммы справа представляют все составляющие сектора «Другой» на левых диаграммах

Источник: составлено авторами на основе статистики внешнего сектора Банка России

(22,7%), то к 2022 г. основным стала добыча полезных ископаемых, доля которой достигла 30,6% (против 19,7% в 2015 г.).

Если с 2015 по 2019 г. число восточных регионов, получающих «сырьевые» ПИИ, заметно выросло, то за «ковидный» период 2020–2021 гг. оно снова сократилось (рис. 4). За 2020 г. объем накопленных ПИИ в добывающий сектор в России снизился лишь незначительно (около 2%), а к началу 2022 г. превысил уровень 2015 г. в 2,36 раза. Для восточных регионов это превышение составило 2,45 раза, причем в 2020 г. данный показатель вырос, а не уменьшился. Аналогичную динамику мы наблюдаем в большинстве отраслей. Исключением является только обрабатывающая промышленность: ее доля в общем объеме ПИИ после 2014 г. к началу 2022 г. сократилась в 1,8 раза по России в целом, а по субъектам Дальневосточного федерального округа и Байкальского региона выросла в 1,7 раза. В денежном выражении это составило: в РФ – сокращение с 77,45 до 42,12 млрд долл. США, в ДФО и Байкальском регионе – рост с 263,9 до 449,5 млн долл. США.

Крупные добывающие компании достаточно успешно использовали «дальневосточные» инвестиционные режимы, прежде всего для увеличения эффекта от масштаба [6; 9], несмотря на то что некоторые из них начали деятельность по реализации своих проектов задолго до преференциальных новаций. Это касается и финансовых средств из российских источников (Газпромбанк, ВЭБ.РФ, Сбербанк, Российский фонд прямых инвестиций), и зарубежных инвестиций. К этому процессу подключились китайские Highland Fund и China National Gold, индийская Sun Gold (ГРК «Быстринское», Ключевское золоторудное месторождение в Забайкальском крае), казахстанская компания KAZ Minerals (Баимское медно-порфировое месторождение в Чу-

котском автономном округе) и др. [1]. Значительные потоки ПИИ поступают от кипрских компаний (Zaltama Holding Ltd, Polymetal

Рис. 4. Распределение прямых иностранных инвестиций в минерально-сырьевой сектор по субъектам российского Дальнего Востока и Байкальского региона: остатки по состоянию на 01.01.2015 (а), 01.01.2020 (б), 01.01.2022 (в) – «Всего», млн долл. США

Примечание: круговые диаграммы справа представляют все составляющие сектора «Другой» на левых диаграммах, их значения меньше 2% общего объема ПИИ

Источник: составлено авторами на основе статистики внешнего сектора Банка России

International)², однако эти инвестиции можно лишь условно отнести к иностранным, так как их конечными бенефициарами являются российские компании и физические лица.

В 2014 г. создана Межправительственная Российско-Китайская комиссия (МПК) по инвестиционному сотрудничеству при Министерстве экономического развития Российской Федерации для «укрепления двустороннего инвестиционного сотрудничества»³. Перечень проектов, которые находятся в сфере внимания МПК, говорит о том, что далеко не все из них были инициированы при ее участии. Некоторые (например, освоение Быстринского и Березовского месторождений в Забайкальском крае) начали осуществляться еще в «нулевые» годы. С другой стороны, часть проектов перечня отнесена к «потенциальным». Последний протокол, размещенный на сайте МПК, датирован 26.01.2021. Информация о конкретных результатах ее деятельности по привлечению инвестиций на эту дату в протоколе не представлена.

В отраслевом разрезе Перечень МПК включает группы проектов минерально-сырьевого, лесного и агропромышленного комплексов, инфраструктуры и торговли, обрабатывающей промышленности, а также инновационного сектора. В «общероссийском списке» доля (по количеству проектов) минерально-сырьевого комплекса в период 2014–2021 гг. была сопоставима с долей обрабатывающих секторов. Однако на Дальнем Востоке доля минерально-сырьевого сектора

² URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4119385>.

³ URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/d4fe05319a3188801322b9f6677d9f73/Protokol_8-go.pdf.

является безусловно доминирующей и в большинстве регионов в несколько раз превышает долю обрабатывающих производств [1].

Так же как в целом по России, общие объемы накопленных ПИИ устойчиво росли в период 2015–2021 гг., несмотря на санкции после 2014 г., во всех восточных регионах, за исключением Магаданской области (табл. 2).

Структура иностранных инвестиций в экономику восточных регионов по странам-источникам к 2022 г. существенно не изменилась по сравнению с «доковидным» периодом (рис. 5), подробная информация в разрезе регионов представлена нами ранее⁴. В течение всего рассматриваемого периода с 2015 по 2021 г. основными «инвестиционными донорами» были офшорные зоны – Бермудские и Багамские острова, и эти потоки практически целиком направлялись в нефтегазовый сектор Сахалина. Не исключено, что ситуация принципиально изменилась в 2022 г. с выходом компании Shell из проекта по сжижению газа «Сахалин-2»⁵ и ExxonMobil – из проекта «Сахалин-1»⁶, а также из-за санкций и заморозки активов некоторых крупных иностранных компаний с российскими бенефициарами. В то же время в 2022 г. японские компании Marubeni и Itochu дополнительно инвестировали в проект «Сахалин-1», и в некоторой степени это может компенсировать потерю инвестиционных ресурсов. Однако в открытых официальных данных Банка России информация по ПИИ в 2022 г. к настоящему времени недоступна.

Доля стран Европейского союза и Азиатско-Тихоокеанского региона в общей сумме ПИИ в экономику Российской Федерации невелика. В то же время наш экспорт в эти макрорегионы был очень

⁴ См.: *Glazyrina I.P., Faleychik L.M., Faleychik A.A.* Institutional policy and the role of foreign direct investment in the Far East of Russia // *Regional Research of Russia*. – 2021. – Vol. 11, Iss. 4. – P. 625–637. DOI: 10.1134/S2079970521040043.

⁵ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5538040#:~:text=01.09.2022%2C%2021%3A30.%20Shell%20отчала%20с,акционера%20прежнего%20оператора%20Sakhalin%20Energy>.

⁶ URL: <https://iz.ru/1411808/2022-10-18/amerikanskaia-exxonmobil-soobshchila-o-polnom-vykhode-iz-proekta-sakhalin-1>.

Таблица 2

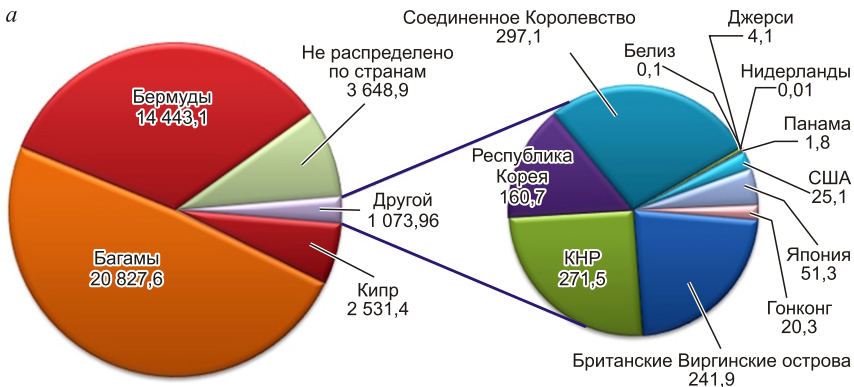
Прямые иностранные инвестиции в экономику субъектов российского Дальнего Востока и Байкальского региона: остатки по инструментам – «Всего» по состоянию на начало года, млн долл. США

Субъект РФ	01.01.2015	01.01.2016	01.01.2017	01.01.2018	01.01.2019	01.01.2020	01.01.2021	01.01.2022
Иркутская обл.	589,7	481,0	534,2	679,3	960,5	1 360,0	1 085,5	1 719,4
Амурская обл.	975,5	895,7	991,4	1 253,6	760,5	966,2	784,1	1 446,9
Забайкальский край	393,7	372,0	386,8	477,8	1 045,1	1 486,7	1 807,1	2 924,5
Еврейская авт. обл.	39,6	82,9	207,3	140,3	152,6	217,6	198,4	356,3
Камчатский край	51,7	39,1	214,3	240,3	202,0	229,0	182,2	177,4
Магаданская обл.	775,8	21,6	10,1	16,3	10,4	7,1	6,6	6,4
Приморский край	1 074,8	1 172,9	2 145,6	1 609,3	2 427,8	3 269,0	2 985,8	18 342,2
Республика Бурятия	67,0	87,9	136,5	219,6	245,9	300,7	309,4	198,1
Республика Саха (Якутия)	1 423,5	1 209,0	1 826,4	2 197,3	2 267,5	2 510,1	2 417,9	3 231,8
Сахалинская обл.	36 086,9	35 159,1	55 645,1	57 575,7	69 271,4	63 988,3	70 117,7	84 008,3
Хабаровский край	739,1	551,7	1 000,6	1 097,1	736,5	647,1	691,0	807,5
Чукотский АО	382,9	298,7	304,5	290,9	234,0	373,4	446,5	1 494,6

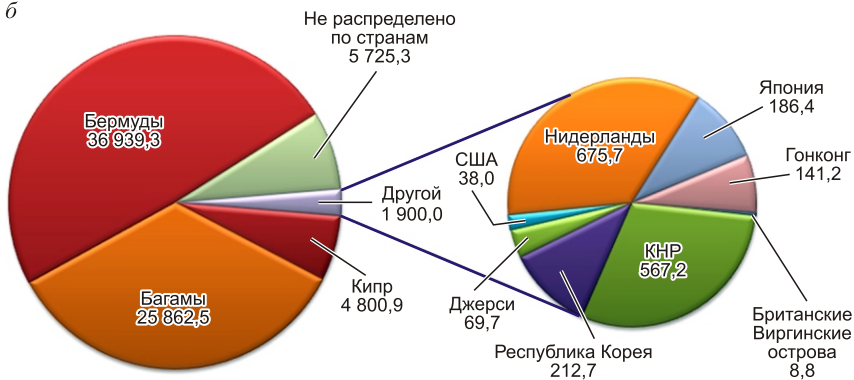
Источник: составлено авторами на основе статистики внешнего сектора Банка России.

существенным и начиная с 1996 г. превышал 60% от общего экспорта. Доля импорта из стран ЕС в 2020 г. составила 34,5%, она плавно снижалась с 2005 г. Доля импорта из стран АТР, напротив, неуклонно

а

б

в

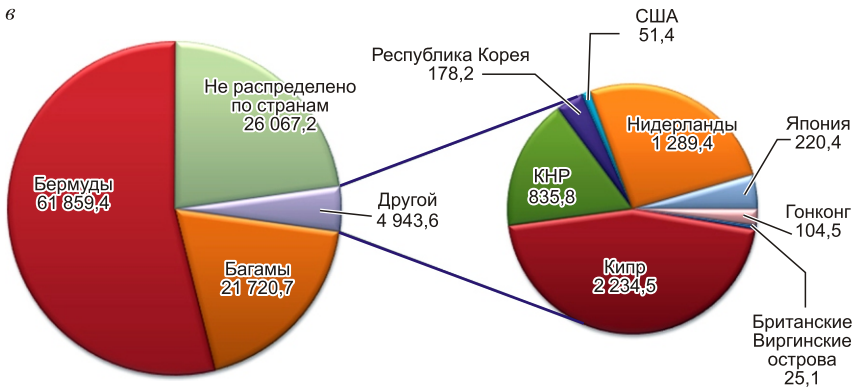

Рис. 5. Прямые иностранные инвестиции в экономику Российской Федерации: остатки по субъектам российского Дальнего Востока и Байкальского региона по странам-партнерам по состоянию на 01.01.2015 (а), 01.01.2020 (б), 01.01.2022 (в) – «Всего», млн долл. США

Примечание: круговые диаграммы справа представляют все составляющие сектора «Другой» на левых диаграммах, их значения меньше 5% общего объема ПИИ

Источник: составлено авторами на основе статистики внешнего сектора Банка России

увеличивалась и к 2020 г. достигла 43,3%. Сальдо торгового баланса между странами ЕС и Россией многие годы остается положительным, чего нельзя сказать про страны АТР [5]. Это показывает, что спрос на товары и ресурсы, порождающий экспортно-импортные потоки между Россией и странами АТР, не очень активно «конвертируется» в производительное сотрудничество в форме ПИИ. При этом рост доли торгового оборота с 2015 по 2020 г. составил для АТР 27%, для ЕС – около 1%.

Доля Китая в общем объеме ПИИ в субъекты Дальневосточного федерального округа и Байкальского региона в 2021 г. также остается небольшой (0,73%), однако по абсолютным значениям объем накопленных ПИИ растет, и к началу 2022 г. он увеличился более чем в 3 раза (см. рис. 5).

Можно утверждать, что несмотря на то что санкции после 2014 г. были в целом чувствительны для экономики России, на ПИИ в сырьевые сектора они существенно не повлияли. Возможно, одной из причин было то, что их значительная часть – это так называемые «фиктивные» ПИИ, а точнее, активы иностранных компаний с российскими собственниками/бенефициарами, которые в предыдущие годы были выведены за пределы страны или получены в виде доходов от иностранных бизнесов. Однако стоит отметить и другие аспекты. Эконометрические исследования, представленные в работе [13], демонстрируют, что основной мотивацией для ПИИ из Южной Кореи в Россию и Казахстан в период 1993–2017 гг. стала возможность доступа к природным ресурсам и к рынкам сбыта. Оказалось, что качество гражданских институтов, политические условия и даже валютный курс для инвесторов из Республики Кореи оказались незна-

чимыми факторами. Южнокорейские ПИИ в экономику восточных регионов России вряд ли можно назвать значительными, их доля не превышает 5%, и за «ковидный» период они сократились на 16%.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Восточные регионы РФ испытали значительно меньший «ковидный шок» в отношении прямых иностранных инвестиций. К 2022 г. их объемы восстановились до уровня 2015 г. практически во всех отраслях, а в некоторых – существенно его превысили. В обрабатывающей промышленности рост ПИИ составил 70%, в транспортировке и хранении – почти 10 раз. Накопленные ПИИ в добывающей промышленности выросли в 2,4 раза и превысили 91 млрд долл. США. Однако и в 2015 г., и в 2022 г. основная их доля была направлена в нефтегазовый сектор Сахалина: 35,4 и 83,6 млрд долл. США соответственно. Таким образом, шок пандемии в отношении ПИИ не стал критическим ни в восточных регионах, ни в целом в России.

Сравнение динамики товарооборота со странами АТР позволило сделать вывод, что высокий спрос на товары и ресурсы, порождающий экспортно-импортные потоки между Россией и этими странами [4], слабо «конвертируется» в производительное сотрудничество в форме прямых инвестиций. Это обстоятельство целесообразно учитывать при разработке политики международного экономического сотрудничества после санкций 2022 г.

Экономические шоки 2022 г. имеют уже совсем другую природу, и это определяет необходимость принципиально новых решений в ответ на возникшие и возникающие вызовы. Как отмечает академик П.А. Минакир, Россия «обречена на срочные поиски защитных мер, новых ресурсов для хотя бы частичного замещения потерянных стратегических резервов, поиски возможностей хоть какой-то внешней поддержки» [10, с. 222]. В настоящее время еще трудно судить о количественных показателях, характеризующих последствия санкций, из-за неполноты и противоречивости имеющейся информации. Однако в поисках выхода в любом случае надо иметь в виду и тот «багаж»,

который был накоплен к 2022 г., и те препятствия, которые тормозили пространственное развитие Сибири и Дальнего Востока и в более благополучные времена [2; 8; 12] и тормозят его до сих пор. Представляется, что те принципиальные направления и институциональные меры, которые предложены авторами «Меморандума суверенного роста» [7], могут способствовать преодолению возникших в 2022 г. проблем. Но их результативность будет зависеть не только от того, что уже произошло, но и от будущих событий, от постоянно меняющихся обстоятельств. В любом случае это будет предметом дальнейших исследований многих экономических научных школ.

Список источников

1. Антонова Н.Е., Ломакина Н.В., Файман А.Д. Природно-ресурсный сектор Дальнего Востока России: «проклятие» или локомотив развития? / Отв. ред. Н.В. Гальцева. – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2022. – 336 с.
2. Буфетова А.Н., Коломак Е.А., Крюков В.А., Мельникова Л.В., Селиверстов В.Е. Территориальные проблемы Азиатской России в контексте формирования государственной региональной политики // Новый импульс Азиатской России / Под ред. В.А. Крюкова и Н.И. Суслова. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2022. – С. 78–107.
3. Зубаревич Н.В. Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты // Вопросы экономики. – 2019. – № 1. – С. 135–145. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-1-135-145.
4. Изотов Д.А. Инвестиционное сотрудничество Дальнего Востока России с субглобальными экономическими структурами в условиях рецессии национальной экономики // Пространственная экономика. – 2018. – № 1. – С. 138–153. DOI: 10.14530/se.2018.1.138-153.
5. Изотов Д.А. Интеграция российской экономики со странами АТР: возможности и риски // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. – 2022. – № 2 (102). – С. 28–47. DOI: 10.24866/2311-2271/2022-2/28-47.
6. Исаев А.Г. Территории опережающего развития: новый инструмент региональной экономической политики // ЭКО. – 2017. – № 4. – С. 61–77.
7. Крюков В., Порфирьев Б., Широков А. Меморандум суверенного роста: Цели и задачи экономической политики в новых условиях // Эксперт. – 2022. – № 20. – С. 44–46.
8. Крюков В.А., Шмат В.В. Азиатская Россия – условия и препятствия поступательной диверсификации экономики макрорегиона // Пространственная экономика. – 2022. – Т. 18, № 1. – С. 34–72.

9. Минакир П.А. Дальневосточные институциональные новации: имитация нового этапа // *Пространственная экономика*. – 2019. – Т. 15, № 1. – С. 7–17. DOI: 10.14530/se.2019.1.007-017.

10. Минакир П.А. Исследования проблем международных экономических взаимодействий: глобальные, национальные, региональные аспекты. – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2022. – 720 с.

11. Antonova N.E., Lomakina N.V. Institutional innovations for the development of the East of Russia: effects of implementation in the resource region // *Журнал Сибирского федерального университета. Сер.: Гуманитарные науки*. – 2020. – Т. 13, № 4. – С. 442–452.

12. Kryukov V.A., Seliverstov V.E. From the continental and resource curse of Siberia to institutional harmony // *Regional Research of Russia*. – 2021. – Vol. 11, Suppl. 1. – P. S1–S12. DOI: 10.1134/S2079970522010038.

13. Lee H.-S., Chernikov S.U., Nagy S. Motivations and locational factors of FDI in CIS countries: Empirical evidence from South Korean FDI in Kazakhstan, Russia, and Uzbekistan // *Regional Statistics*. – 2021. – Vol. 11, No. 4. – P. 79–100. DOI: 10.15196/RS110404.

Информация об авторах

Глазырина Ирина Петровна (Россия, Чита) – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории эколого-экономических исследований Института природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН (672014, Чита, ул. Недорезова, 16а, а/я 1032); профессор, заведующий кафедрой прикладной информатики и математики Забайкальского государственного университета (672039, Чита, ул. Александрo-Заводская, 30). E-mail: iglazyrina@bk.ru.

Фалейчик Лариса Михайловна (Россия, Чита) – кандидат технических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории эколого-экономических исследований Института природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН (672014, Чита, ул. Недорезова, 16а, а/я 1032). E-mail: lfaleychik@bk.ru.

Фалейчик Андрей Анатольевич (Россия, Чита) – кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры прикладной информатики и математики Забайкальского государственного университета (672039, Чита, ул. Александрo-Заводская, 30). E-mail: faa55@bk.ru.

DOI: 10.15372/REG20230210

Region: Economics & Sociology, 2023, No. 2 (118), p. 243–263

I.P. Glazyrina, L.M. Faleychik, A.A. Faleychik

CROSS-BORDER COOPERATION IN THE EAST OF RUSSIA: FOREIGN DIRECT INVESTMENT

This article explores the dynamics and structure of foreign direct investment (FDI) to the East of Russia, specifically considering the impact of the economic shocks caused by COVID-19 in 2020–2021. We aim to understand the FDI dynamics since 2014–2015, including their spatial and sectoral distribution, to identify any shifts that occurred during the pandemic, and to find the amount of FDI the eastern territories acquired at the beginning of 2022. Overall, FDI in the form of capital participation increased across Russia during the period under review, with the Far East experiencing a higher growth rate than the rest of the country. Conversely, in Siberia, FDI share has declined, largely due to capital withdrawal from raw materials projects.

The sectoral composition of FDI in Russia has undergone changes since 2014. Specifically, the share of FDI in commodity sectors has increased by over 150%, while in the manufacturing industry, it has decreased almost threefold. During and immediately after the pandemic, the decline in FDI in manufacturing sectors in the East of Russia was significantly lower, and by 2022, their volume had increased by 70% compared to 2015.

Overall, the impact of the pandemic on FDI in Russia was not severe, and the eastern regions were even less affected. By 2022, FDI volumes in almost all sectors had recovered and, in some cases, drastically exceeded the 2015 levels.

After comparing the dynamics of trade turnover with the Asia-Pacific countries, we can conclude that the high demand for goods and resources, which generates import-export flows between Russia and these countries, is not being effectively translated into productive cooperation in the form of FDI. This finding should be considered when developing policies for international economic cooperation following the 2022 sanctions.

Keywords: Russian Far East and the Baikal Region; cross-border cooperation; foreign direct investment (FDI); spatial and sectoral structure of FDI

For citation: Glazyrina, I.P., L.M. Faleychik & A.A. Faleychik. (2023). Transgranichnaya kooperatsiya na Vostoke Rossii: pryamyne inostrannye inves-

titsii [Cross-border cooperation in the East of Russia: foreign direct investment]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 2 (118), 243–263. DOI: 10.15372/REG20230210.

References

1. Antonova, N.E., N.V. Lomakina, A.D. Fayman & N.V. Galtseva (Ed.). (2022). Prirodno-resursnyy sektor Dalnego Vostoka Rossii: «proklyatie» ili lokomotiv razvitiya? [Natural Resource Sector of the Russian Far East: “Curse” or Development Locomotive?]. Khabarovsk, Economic Research Institute FEB RAS Publ., 336.
2. Bufetova, A.N., E.A. Kolomak, V.A. Kryukov, L.V. Melnikova & V.E. Seliverstov. (2022). Territorialnye problemy Aziatskoy Rossii v kontekste formirovaniya gosudarstvennoy regionalnoy politiki [Territorial problems of Asian Russia in the context of forming state regional policy]. In: V.A. Kryukov & N.I. Suslov (Eds.). Novyy impuls Aziatskoy Rossii [A New Pulse for Asian Russia]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 78–107.
3. Zubarevich, N.V. (2019). Strategiya prostranstvennogo razvitiya: priority i instrumenty [Spatial development strategy: priorities and instruments]. Voprosy ekonomiki [Problems of Economics], 1, 135–145. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-1-135-145.
4. Izotov, D.A. (2018). Investitsionnoe sotrudnichestvo Dalnego Vostoka Rossii s subglobalnymi ekonomicheskimi strukturami v usloviyakh retsessii natsionalnoy ekonomiki [Russian Far East’ investment cooperation with sub-global economic structures under the conditions of the national economy’s recession]. Prostranstvennaya ekonomika [Spatial Economics], 1, 138–153. DOI: 10.14530/se.2018.1.138-153.
5. Izotov, D.A. (2022). Integratsiya rossiyskoy ekonomiki so stranami ATR: vozmozhnosti i riski [Integration of the Russian economy with the Asia-Pacific countries: opportunities and risks]. Izvestiya Dalnevostochnogo federalnogo universiteta. Ekonomika i upravlenie [Bulletin of the Far Eastern Federal University. Economics and Management], 2 (102), 28–47. DOI: 10.24866/2311-2271/2022-2/28-47.
6. Isaev, A.G. (2017). Territorii operezhayushchego razvitiya: novyy instrument regionalnoy ekonomicheskoy politiki [The territories of accelerated development: new instrument of regional economic policy]. EKO [ECO], 4, 61–77.
7. Kryukov, V., B. Porfiriev & A. Shirov. (2022). Memorandum suverennogo rosta: Tseli i zadachi ekonomicheskoy politiki v novykh usloviyakh [Sovereign Growth Memorandum: Goals and objectives of economic policy in a new environment]. Ekspert [Expert], 20, 44–46.
8. Kryukov, V.A. & V.V. Shmat. (2022). Aziatskaya Rossiya – usloviya i prepyatstviya postupatelnoy diversifikatsii ekonomiki makroregiona [Asian Russia – conditions for and obstacles to progressive diversification of macroregional economy]. Prostranstvennaya ekonomika [Spatial Economics], Vol. 18, No. 1, 34–72.
9. Minakir, P.A. (2019). Dalnevostochnye institutsionalnye novatsii: imitatsiya novogo etapa [Far Eastern institutional novations: imitation of a new stage]. Prostranstvennaya ekonomika [Spatial Economics], Vol. 15, No. 1, 7–17. DOI: 10.14530/se.2019.1.007-017.
10. Minakir, P.A. (2022). Issledovaniya problem mezhdunarodnykh ekonomicheskikh vzaimodeystviy: globalnye, natsionalnye, regionalnye aspekty [Studies of the Prob-

lems of International Economic Interaction: Global, National, and Regional Aspects]. Economic Research Institute FEB RAS Publ., 720.

11. *Antonova, N.E. & N.V. Lomakina.* (2020). Institutional innovations for the development of the East of Russia: effects of implementation in the resource region. Zhurnal Sibirskogo federalnogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki [Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences], Vol. 13, No. 4, 442–452.

12. *Kryukov, V.A. & V.E. Seliverstov.* (2021). From the continental and resource curse of Siberia to institutional harmony. Regional Research of Russia, Vol. 11, Suppl. 1, S1–S12. DOI: 10.1134/S2079970522010038.

13. *Lee, H.-S., S.U. Chernikov & S. Nagy.* (2021). Motivations and locational factors of FDI in CIS countries: Empirical evidence from South Korean FDI in Kazakhstan, Russia, and Uzbekistan. Regional Statistics, Vol. 11, No. 4, 79–100. DOI: 10.15196/RS110404.

About Authors

Glazyrina, Irina Petrovna (Chita, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher, Head of the Laboratory for Eco-Economic Research, Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (16a, Nedorezov St., Chita, 672014, Russia); Professor, Head of the Applied Computer Science and Mathematics Department, Transbaikal State University (30, Aleksandro-Zavodskaya St., Chita, 672039, Russia). E-mail: iglazyrina@bk.ru.

Faleychik, Larisa Mikhaylovna (Chita, Russia) – Candidate of Sciences (Engineering), Docent, Senior Researcher at the Laboratory for Eco-Economic Research, Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (16a, Nedorezov St., Chita, 672014, Russia). E-mail: lfaleychik@bk.ru.

Faleychik, Andrey Anatolievich (Chita, Russia) – Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), Docent, Associate Professor at the Applied Computer Science and Mathematics Department, Trans-Baikal State University (30, Aleksandro-Zavodskaya St., Chita, 672039, Russia). E-mail: faa55@bk.ru.

Поступила в редколлегию 13.12.2022.

После доработки 22.02.2023.

Принята к публикации 27.02.2023.